

М. П. Рекунчак

М. М. Бахтин и другие авторы диалогического подхода в психологии: современный этап развития идей

Идейное наследие Михаила Михайловича Бахтина продолжает привлекать внимание исследователей во всём мире¹. И, видимо, не в последнюю очередь, это связано с тем, что мысли данного автора тесно перекликаются с современными научными и философскими, социальными и гуманитарными проблемами — их постановкой и поиском решений.

В данной работе, из всего многообразия творчества М. М. Бахтина, хотелось бы остановиться на его диалогическом подходе, и тех последствиях, которые возымело его проникновение в гуманитарные науки, и в частности в психологию.

Можно сказать, что философское осмысление идеи диалога произошло уже к концу первой трети XX века (прежде всего речь о работах Бахтина «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926), «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Марксизм и философия языка» (1929), вышедшая под именем В. Н. Волошинова, а также работе Мартина Бубера «Я и Ты» (1923))². Вместе с тем, осмысление этой идеи в гуманитарном научном дискурсе, а именно, в (и для) психологии стало происходить позже (не считая, пожалуй, работы Льва Петровича Якубинского о диалогической речи (1923) и книги Льва Семёновича Выготского «Мышление и речь» (1934)). В 60-70-х годах XX века появляются работы румынской исследовательницы Татьяны Слама-Казаку о психологических особенностях диалогов детей (1961), чешского исследователя Яромира Яноушека, представившего социально-психологический анализ диалога (1971-1973). Позже, в 80-х годах XX века психологические исследования наполняются содержательным анализом проблемы диалога, который разворачивают такие авторы,

¹ Михаил Михайлович Бахтин: эстетическое наследие и современность. — Саранск, 1992. — Ч. I, II.; Горбов Ф. Д. Я — второе Я. — М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. — (Серия «Психологи Отечества»); Кучинский Г. М. Диалог и мышление. — Мн.: Изд-во БГУ, 1983; Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. — Мн.: Университетское, 1988; Hermans H. J. M. The Thension Between Power and Dialogue // Contemporary Psychology: A Journal of Reviews, 1995. — Vol. 40 (1). P. 44—45; Hermans H. J. M. Dialogical Thinking and Self-Innovation // Culture & Psychology. — 1999, Vol. 5 (1), P. 67-87; Hermans H. J. M. The Coherence of Incoherent Narratives // Narrative Inquiry. — 2000, 10 (1). P. 223—227; Hermans H. J. M. The Position Repertory of Interviewer and Narrator // Narrative Inquiry. — 2000, 10 (1). P. 191—194; Hermans H. J. M. The Construction of a Personal Position Repertoire: Method and Practice // Culture & Psychology, 2001. — Vol. 7 (3). P. 232—356; Hermans H. J. M. Clinical Diagnosis as a Multiplicity of Self-Positions: Challenging Social Representations Theory // Culture & Psychology, 2003, vol. 9 (4). P. 407—414; Hermans H. J. M. Introduction to the First Issue // International Journal for Dialogical Science. — 2006, vol. 1(1). P. 1—3; Hermans H. J. M. Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // Counselling Psychology Quarterly. — 2006, vol. 19 (1). P. 5—25; Hermans H. J. M. Dimaggio G. Self, Identity, and Globalization in Times of Uncertainty: A Dialogical Analysis // Review of General Psychology. — 2007, Vol. 11(1). P. 31—61.

² Бахтин М. М. . Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. Составление, текстологическая подготовка, И. В. Пешкова. Комментарии В. Л. Махлина, И. В. Пешкова. — М.: Лабиринт, 2000.

как Владимир Соломонович Библер, рассмотревший логику диалога (1981), К. Менг — диалогическое общение (1982), Владимир Викторович Столин — внутренний диалог и диалогизм самосознания (1983), Леонид Александрович Радзинский — диалогизм сознания (1985), и особенно активно — Геннадий Михайлович Кучинский, посвятивший свои работы изучению взаимосвязи диалога и мышления, психологии внутреннего диалога и ряду других его аспектов (1981-1983, 1985, 1988)¹.

Современный этап развития диалогического подхода в психологии, на рассмотрении которого мы остановимся в данной публикации, с отчётливостью обнаруживается в зарубежном направлении Диалогического я (Dialogical Self), возглавляемом голландским исследователем, психологом и психотерапевтом Губертом Хермансом (Hubert Hermans). Об обширности и признании данного направления свидетельствуют уже 5 международных конференций, которые проводятся, начиная с 2000 года каждые два года, создание международного общества² (с 2002 года) и журнала Диалогической Науки³ (публикуется с 2006 г.), широкое обсуждение данного подхода на страницах международных рецензируемых журналов⁴. Идеи данного подхода оказываются и отстаиваются как эффективные уже далеко за пределами предметного поля одной лишь психологии, захватывая другие направления науки и практики, в частности психотерапию, социальную работу, науки о мозге, культурную антропологию, историю, философию, литературоведение и др.⁵

Предваряя более подробное рассмотрение данного подхода, хотелось бы указать на существование его отечественного аналога, не получившего, впрочем, дальнейшей теоретической разработки и обобщения своих положений. В качестве данного аналога может быть названа система представлений Фёдора Дмитриевича Горбова о психической организации личности, названная им «я — второе я», в которой он с опорой на тех же (что и затем Г. Херманс) авторов (М. М. Бахтина, Ф. М. Достоевского), рассматривал схожие проблемы и обнаруживал похожие их решения. Не углубляясь в конкретику, отметим экспериментально-практическую и феноменологическую направленность разработанных им представлений⁶. Зарубежный вариант диалогического подхода, идущий от Г. Херманса отличается большей обобщённостью и теоретичностью, и как уже говорилось — получил широкое распространение и обсуждение.

¹ Кучинский Г. М. Диалог и мышление. — Мн.: Изд-во БГУ, 1983; Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. — Мн.: Университетское, 1988.

² International Society for Dialogical Science (ISDS) (<http://dialogicalscience.org>).

³ International Journal for Dialogical Science (IJDS) (<http://ijds.lemoyne.edu>).

⁴ В частности, речь идёт о журналах *Culture & Psychology*, *Theory & Psychology* и некоторых других. Издавались специальные номера, посвящённые обсуждаемому направлению исследований.

⁵ *The Dialogical Self in Psychotherapy*. Ed. by H. J. M. Hermans & G. Dimaggio. — N.-Y.: Brunner & Routledge, 2004.

⁶ Ф. Д. Горбов даёт диалогическое описание и объяснение феноменов в поведении и психических состояниях человека, в которых проявляется система «я — второе я». Приведём примеры: *наркоз* — усиление одного я нарушает связи в системе «я — второе я», при этом изымается оппонирующее начало со стороны «второго я»; *аффект* — одно из ярчайших проявлений отключения оппонирующего начала со стороны «второго я», в виде ярости, ужаса, гнева, отчаянья и т.д.; при *лунатизме* происходят процессы, напоминающие «отщепление» части я, при этом отщепившаяся часть способна проявлять сложные и точные способности в координации поведения и движений человека; при гипоксии происходит отключение одного из оппонентов я, пропадает важная возможность охвата ситуации и своего положения в целом. Горбов Ф. Д. Я — второе Я. — М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.

Диалогическое я, как теория, и сам одноимённый конструкт, по мысли Г. Херманса, порождается «теоретическим союзом двух концепций, я и диалога, представляющих различные традиции в истории человеческой мысли»¹. Под я (или в современной терминологии² — я-позицией) понимается организованная система валуаций³, а под диалогическим я — система динамического разнообразия этих позиций³, «децентрализованной множественности позиций, или голосов»⁴, «вовлечённая во внешние и внутренние диалогические отношения»⁵. Понимание же диалога и диалогических отношений восходит к диалогической школе М. М. Бахтина.

Важным контекстом для развития теории диалогического я стало обращение её автора к нарративному подходу⁶, развивающемуся в зарубежной психологии и смежных гуманитарных и социальных науках. Именно обращение к данному подходу, за счёт его связей с литературоведением и философией языка, может рассматриваться как широкое и надёжное основание для развития идеи диалога. Однако, как говорит сам Г. Херманс в рефлексии своего творческого пути, к диалогическому подходу (из подхода нарративного) его вывели исследование воображаемых фигур (воображаемых других) в я некоторых клиентов. Именно воображаемые фигуры способны обеспечить человека перспективой, от которой он может увидеть свою жизнь иным способом, нежели он это делает обычно. Обращаясь к воображаемым фигурам, человек оказывается способным пе-

¹ The Dialogical Self... P. 2.

² Теоретические представления Г. Херманса о я интенсивно развивались, и прошли ряд этапов [Hermans H. J. M. Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // *Counselling Psychology Quarterly*. — 2006, vol. 19 (1). P. 5—25], в частности, сначала Г. Херманс интенсивно развивал *теорию валуации* (наиболее подробно представленную в [Hermans H. J. M. The Thension Between Power and Dialogue // *Contemporary Psychology: A Journal of Reviews*, 1995. — Vol. 40 (1). P. 44—45.]), в основе которой лежала метафора я как мотивированного рассказчика историй [Херманс Г. И. М. Личность как мотивированный рассказчик: теория валуации и метод самоконфронтации // *Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*, № 1 (3), 2007. С. 7—53]. Одновременно с теорией валуации развивалось практическое (методическое и психотерапевтическое) его воплощение в *методе самоконфронтации* (self-confrontation method), который направлен на оценку и дальнейшее развитие системы валуаций человека [Hermans H. J. M., Hermans-Jansen E. Self-narratives: the construction of the meaning in psychotherapy. — N.-Y., London: Guilford Press. — 1995; Херманс Г. И. М. Личность как мотивированный рассказчик: теория валуации и метод самоконфронтации // *Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*, № 1(3), 2007. С. 7—53]; затем Г. Херманс, обратившись в большей степени, чем прежде, к идее диалога, развил *теорию диалогического я* (детально представленную в его книге (в соавторстве с Гарри Кемпеном — *The Dialogical Self: Meaning as Movement* (1995)), и соответствующий ей исследовательский метод — *репертуар личностных позиций* (Personal Position Repertoire), позволяющий изучить содержание внешних и внутренних позиций личности и способы их организации. [Hermans H. J. M. The Construction of a Personal Position Repertoire: Method and Practice // *Culture & Psychology*, 2001. — Vol. 7 (3). P. 232—356.] В теории диалогического я утверждается, что в реальных и воображаемых беседах человека может перемещаться между его собственной позицией и позицией его воображаемого собеседника. [Hermans H. J. M. Dialogical Thinking and Self-Innovation // *Culture & Psychology*. — 1999, Vol. 5 (1), P. 72]

Валуация (англ. valuation) — динамическая, процессуальная форма от англ. слова value — ценность, т.е. по-русски может быть названа процессом оценивания (которое, по Хермансу, происходит в ходе конструирования значения [Hermans, 2006b. p. 10]). Термин «валуация» сохранен при переводе, как и в [Херманс, 2007].

³ Hermans H. J. M. The Construction of a Personal Position Repertoire: Method and Practice // *Culture & Psychology*, 2001. — Vol. 7 (3). P. 232—356.

⁴ Hermans H. J. M. (b). Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // *Counselling Psychology Quarterly*. — 2006, vol. 19 (1). P. 5—25.

⁵ Hermans H. J. M. (b). Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // *Counselling Psychology Quarterly*. — 2006, vol. 19 (1).

реходить от одной я-позиции к другой, и соответственно переживать одни и те же события разными способами. Различные же я-позиции не просто отделены друг от друга, но взаимосвязаны между собой диалогическими отношениями¹.

В подходе Г. Херманса диалогические отношения рассматриваются как циклические отношения. Их цикличность состоит в том, что они возвращаются к позиции, с которой начинаются, пересматривая и изменяя эту позицию². Такое понимание диалогичности соотносится с её пониманием М. М. Бахтиным, для которого, по мысли зарубежного исследователя его творчества Л. Бендламуди, «каждый ответ должен не только дать начало новым вопросам, но он также переформулирует первоначальный вопрос»³. Эта же цикличность зафиксирована известными исследователями диалога Иваной Марковой и Пьером Линне-лем в их модели диалогических отношений⁴, от которой, в целях систематического изучения названных отношений оттолкнулся Г. Херманс. В этой модели утверждается, что диалогические отношения могут быть рассмотрены как состоящие из трёх шагов:

Шаг 1. От А к Б: Один человек высказывает второму;

Шаг 2. От Б к А: Второй человек отвечает на это высказывание;

Шаг 3. От А к Б: Первый человек пересматривает своё первоначальное высказывание в свете высказывания из шага 2⁵.

Рассмотренные таким образом диалогические отношения являют собой вид рефлексивных отношений, а значит указанные выше исследователи диалога, невольно разрабатывали и теорию рефлексии, и рефлексивную сторону диалога.

Для разработки диалогического подхода к я, Г. Хермансом привлекалась ещё одна идея М. М. Бахтина — идея полифонического романа и полифонизма сознания, ядром которой является представление о том, что голос другого является действительно независимым от голоса автора. «Соответственно, действительная полифония существует, только если автор разрешает своим персонажам иметь статус другого я, противостоящего требованиям его собственного авторского взгляда». Раскрывая значение полифонии Г. Херманс, указывает на введённое М. М. Бахтиным понятие «избытка ви'дения», выражающее аспект ситуации, который видит один человек, в то время как другой его не видит. Он отмечает, что Бахтин «вводил это понятие, чтобы подчеркнуть независимость автора и персонажа, как пространственно и уникально локализованных партнёров в диалогических отношениях»⁶. Нередуцируемость голосов друг к другу, даёт основание Г. Хермансу утверждать, что в полифоническом я не должно быть доминирования только одного голоса, одной позиции, одного персонажа. Каждый персонаж может временно принять на себя управление действиями человека как главный актёр в психике человека. И, соответственно, там не должно

¹ Hermans H. J. M. (b). Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // *Counselling Psychology Quarterly*. — 2006, vol. 19 (1). P. 13—15.

² Hermans H. J. M. . Dialogical Thinking and Self-Innovation // *Culture & Psychology*. — 1999, Vol. 5(1), P. 68.

³ Там же.

⁴ См. Hermans H. J. M. Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // *Counselling Psychology Quarterly*. — 2006, vol. 19(1). P. 5—25.

⁵ Там же. P. 15.

⁶ Hermans H. J. M. Dialogical Thinking and Self-Innovation // *Culture & Psychology*. — 1999, Vol. 5 (1), P. 84.

быть никакой централизации, главного органа управления, заостренного упорядочивания позиций, или попытки их создать. Скорее должно происходить чередование, взаимодействие этих голосов¹. При достижении такой организации в я человека (а вопрос о том, при каких условиях люди могут научиться сохранять и развивать эту полифонию в своём диалогическом мышлении — является одним из центральных, по мнению Г. Херманса для теории диалогического я²) оказывается возможной здоровая, развивающаяся жизнедеятельность личности в различных ситуациях, раскрытие её творческого потенциала, за счёт осуществления и увеличения избытка видения и избытка возможностей, появляющихся вследствие наличия не одной, а множества различных позиций в я.

Сами я-позиции и процессы позиционирования, репозиционирования и ряд других уже стали предметом исследования в теории диалогического я. Кратко отметим, что они противопоставляются традиционному понятию ролей, как более динамичные, персонализированные и гибкие. Соответственно и личность, рассматриваемая опосредованно этим пониманием — совсем иная личность. Кроме того, в диалогическом подходе к я предлагается рассматривать не только «внутренние» позиции, как относящиеся к я (что традиционно для психологии), но также и «внешние» позиции, традиционно относимые к социальному и культурному миру. Эта «расширенная» область я позволяет охватить различные отношения человека с социокультурным миром.

Подводя итог краткому обзору современного состояния диалогического подхода в психологии, можно сказать, что он продолжает развиваться и интересовать различных исследователей, как в России, так и зарубежом. Творческое наследие М. М. Бахтина является в настоящее время неисчерпаемым источником и способствует плодотворному развитию данного направления мысли. В содержательном отношении, можно сделать вывод, что у диалога есть как минимум две, не сводимые друг к другу стороны — рефлексивная и полифоническая, которые участвуют в его осуществлении, как целостного процесса, ведущего к развитию общества и личность.

¹ The Dialogical Self... P. 2

² Hermans H. J. M. . Dialogical Thinking and Self-Innovation // Culture & Psychology. — 1999, Vol. 5(1), P. 85.